

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

годъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1897

О происхожденіи Псково-Печерскихъ полу- вѣрцевъ.

Прямыхъ историческихъ указаній о происхожденіи Псково-Печерскихъ полувѣрцевъ не имѣется; даже не встрѣчается въ актахъ упоминанія слова «полувѣрцы». Поэтому приходится судить объ ихъ происхожденіи лишь на основаніи косвенныхъ данныхъ. Таковыя данныя можно найти въ актахъ Псково-Печерскаго монастыря. Они заключаются въ прозвищахъ, именахъ и народности части жителей Псково-Печерскаго края въ XVI и XVII вв.

Высказанное мною раньше (см. «Живую Старину» г. I, кн. I) мнѣніе объ исконности всѣхъ полувѣрцевъ въ Псково-Печерскомъ краѣ не имѣетъ достаточныхъ основаній. Рѣзкая разница между мѣстными географическими названіями Псковскаго и Варроскаго уѣздовъ свидѣтельствуетъ объ исконной разности народностей этихъ уѣздовъ, а искаженные русскія названія полувѣрческихъ деревень или переводы русскихъ названій полувѣрцами убѣдительно подтверждаютъ предположеніе о позднѣйшемъ переселеніи ихъ сюда. Остается, слѣдовательно, рѣшить вопросъ о времени ихъ переселенія. Насколько приблизительно извѣстно, названія важнѣйшихъ центровъ даннаго района нынѣ тѣ же, что были въ IX в., когда въ Изборскѣ княжилъ Труворъ.

Начиная съ историческихъ временъ, мы не имѣемъ основаній предпологать переселеніе изъ Лифляндіи въ Псковское княжество до потери эстонцами самостоятельности и окончательнаго порабощенія ихъ въ XIV в. Эстонцамъ вѣроятно было не менѣе привольно жить на своей прадѣдовской землѣ, чѣмъ русскимъ въ Псковскомъ княжествѣ при вѣчевомъ управленіи въ Порховѣ. Да и самая граница между эстами и русскими рѣка Пивжа оставалась неизмѣнною, начиная съ IX вѣка впредь до нашихъ дней. Къ западу отъ р. Пивжи простиралась древняя область Эстонцевъ Ужунія, которая уже въ XII в. граничила съ Псковскою областью. Католическая миссія въ началѣ XIII в.

простиралась именно до р. Пивжи «in Walgatabalwe versus Plescecowe. гдѣ «in extremis villulis illis» въ 1221 г. завершилъ крещеніе угаунскихъ эстовъ католическій священникъ Генрихъ Латышскій Chronicon Heing. XXIV 6). Название Walgatabalwe не встрѣчается болѣе въ лифляндской исторіи, но въ грамотѣ Іоанна Грознаго въ 1561 г. между дер. Ласва и дер. Тапино, нынѣ им. Laswa и дер. Tobbina въ Нейгаузенскомъ приходѣ) въ уѣздѣ (Новога Городка упоминается рядомъ нѣсколько деревень и пустошей подъ именемъ Вакопаль, которое несомнѣнно тождественно съ названіемъ Walgatabalwe XIII в. (т. е. др. Walgada palu Бѣлый боръ). Переселеніе изъ Лифляндіи за Пивжу могло начаться только со времени порабощенія Эстовъ въ XIV в., когда они оказались въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ сосѣди русскіе. И дѣйствительно въ XV—XVI в.в. бѣгство изъ Лифляндіи туземцевъ на Русь и вообще въ сосѣднія страны приняло столь большіе размѣры, что лифляндскіе господа были вынуждены образовать союзы для ловли бѣглецовъ и наказывать пойманныхъ бѣглецовъ отсѣченіемъ ноги. Хотя намъ неизвѣстны переговоры между лифляндскими господами и псковскими князьями и Москвою о выдачѣ бѣглецовъ, но это не подрываетъ правильнаго предположенія о бѣгствѣ эстовъ, между прочимъ въ Псковскія владѣнія. Какъ кажется, такіе переговоры и не имѣли за собою юридической основы въ международныхъ вѣрнiяхъ того времени, ибо въ то время главнымъ предметомъ международныхъ столкновеній служила прежде всего земля, а жители разсматривались, какъ случайная принадлежность земли.

Въ Псковской лѣтописи два раза (подъ 1447 и 1459 г.г.) упоминаются близъ Новогородка Эстонцы на Псковской землѣ, но они повидимому были здѣсь недавними пришельцами, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ были казнены Псковичами («а 7 чюхновъ повѣснша, изымавшіе на своей землѣ на обидномъ мѣстѣ», «Чюдь на Ражкинѣ повѣснша»). Но въ XVI в. мы имѣемъ прямыя свѣдѣнія о поселеніяхъ эстонцевъ на Псковской землѣ, именно во владѣніяхъ Псково-Печерскаго монастыря. По всему можно думать, что поселеніе здѣсь лифляндскихъ бѣглецовъ въ большихъ массахъ совершилось во время Псково-Печерскаго игумена Корнилія (1529—1570). Это былъ человекъ необычайнаго ума и энергіи. Онъ началъ съ того, что выпрашивалъ себѣ отъ Московскихъ великихъ князей пустопорожнія земли у нѣмецкаго рубежа и заселялъ ими пришлый людъ. Такъ въ одной грамотѣ 1539 г. говорится, что игумень Корнилій «получилъ лѣсу на три версты отъ нѣмецкаго рубежа». Въ грамотѣ Івана Васильевича Грознаго отъ 1558 года перечисляются въ Изборскомъ уѣздѣ Пашковской губѣ принадлежація Псково-Печерскому монастырю деревни, причемъ въ дер. Гривахъ за Лидовскимъ

или Бобровскимъ дворомъ упоминаются дв. Андрейко Латышъ, въ деревнѣ на Красной Дубровкѣ дв. Демидко Кровко (?), въ деревнѣ Пантелѣево дв. Гришка Молоновъ (? Латышъ), въ дер. Люлино дв. Степанко Кохсоновъ (? нерусскій). Всѣхъ деревень въ этой губѣ описано пять, дворовъ пять, людей въ нихъ пять человекъ, пашни 28 четвертей въ одномъ полѣ, а въ двухъ поляхъ столько же; сѣна 90 копенъ, рогачей 5, вытей 3 безъ 1½ четверти пашни: «а ставилъ тѣ деревни Псково-Печерскій игумень Корнилій на черномъ лѣсу послѣ пищовъ въ л. 1541». Какъ узнаемъ отсюда-же, поселенцы платили Корнилію изъ всякаго хлѣба и изъ мелкаго обилья четверть или вм. четверти по 1½ деньги псковскихъ съ рогача. Ставилъ эти починки Корнилій на черномъ лѣсу отъ нѣмецкаго рубежа по царевѣ и великаго князя грамотѣ (отъ 1549 г.). Завоеванія, сдѣланныя Іоанномъ Грознымъ въ Ливоніи, дали игумену Корнилію поводъ простереть свою миссіонерскую дѣятельность на зарубѣжныхъ Эстовъ. Изъ грамоты Іоанна Грознаго отъ 1561 г. мы получаемъ подробныя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ, прибрѣтенныхъ Псково-Печерскимъ монастыремъ въ уѣздѣ Новаго Городка (обним. нынѣ Нейгаузенскій приходъ). Въ ней перечисляются слѣдующія деревни: Кохова (нынѣ село Кохово въ слоб. вол. Колпин. прих.); здѣсь упом. дворы: Михаль Каравы, Якушка Петровъ, Лопатка Ѳоминь, Лаврець Мартыновъ, братья Янька да Ондрюшка же Ганусъ, Гришка да Олешко, Ивашко Михалевъ. Нынѣ деревня эта разселена полувѣрцами—переселенцами изъ оз. Керкюла (въ Лифляндіи). Дер. Большія Вайгужицы (нынѣ у Эстовъ Suur Sooküla); въ ней дв. Янко Говнуховъ, Андрейко Индриковъ, Севастейко Яковлевъ, Міусъ, Янка да Минка, Пѣль. Дер. Меньшія Вайгужицы (Эст. Weike Sooküla); въ ней дв. Анско Курдѣевъ, Гансъ Кобеневъ. У оз. Вайгужиць дв. непашеный, а въ немъ чухно Павелко Андрусовъ. Дер. Ласва (нынѣ им. Laswa, эст. Laswamois), въ ней дв. Юрикъ Яневъ сынъ, вардей, а порусски староста. Дер. Чиковерь на Керепецкомъ рубежѣ (нын. им. Kikumra, Kirega въ Пылвескомъ прих.). Дер. Левикель (нынѣ дер. Laweküla въ Пылвескомъ прих.) на р. Выбовкѣ (Эст. Woo). Пуст. Валкопаль: здѣсь живетъ чухно Викѣчко; рядомъ упоминаются нѣсколько деревень и пустошей подъ этимъ названіемъ (см. впереди). Дер. Тапино (нынѣ дер. Tobina въ Нейгаузенскомъ приходѣ); здѣсь чухонскіе дворы: напр. Актъ, Кавасъ, Янусъ и и др. Дер. Хатузица (упом. шесть разъ; ? нынѣ дер. Kutta въ Нейгаузен. прих.); въ ней дворы: Юрикъ, Рейнь, Ганусъ, Ханъ Куровъ сынъ); пустошь Хатузицы упом. три раза. Волоетка Микижицы, а въ ней деревни и пустоши; было девять дворовъ да сожжены, теперь селятся вновь; дв. Русакъ, Иванко Ѳедотовъ, чухно Кучикъ Клаусовъ сынъ, Андрюшка Михайловъ сынъ.

чухно Мишанка Петровъ. Деревня Мегузица (нынѣ заселена полувѣрцами, Паник. волс. Таиловскаго прихода) расположена у Ливонской границы близъ Новгородка (Нейгаузена). По берегу Шимжи отъ Новгородка жили чухонцы въ трехъ дворахъ, но у нихъ «отняли нѣмчинъ Новаго Городка Юрьи Просвинъ земли». Волостка Паниторская (искаж.), а въ ней деревни и пустоши были бискупли. Дер. Паниковичи (? искаж. врядъ-ли тожеств. съ нынѣш. с. Паниковичи Шеков. у.); въ ней дв. Як. Петровъ, Яковъ Хинтуевъ сынъ, Тамачъ Клаусовъ, Гансъ Гонкриковъ, Мартъ Гонтуевъ сынъ, Міусъ Пяртвѣевъ, Ганусъ Якушевъ. Волостка Огіяръ (нынѣ эст. Nagujerwe); въ ней Андрусъ, Тенюсъ, Томасъ, Гантъ, Янъ, Юрикъ, Ганусъ, Мамусъ. Сельцо Сева, принадлежало Новгородскому мызнику Салумъ Рейну; по заявленію Рейна, здѣсь чухонцевъ не стало до взятія Новаго Городка (выселились куда?). Дер. Ягроша на р. Ягромъ (? искаж.); въ ней дв. Мартъ Яновъ сынъ, дѣти Мартышко да Юшко. Деревня (?) въ верховьѣ Пивжи; въ ней дв. Хансъ Харусовъ сынъ. Дер. Гесткюла (? нынѣш. им. Kose), упоминается разовъ 11; въ ней дв. Халщуй приходець, пустошь Гесткюла; въ ней дв. Гансъ приходець, Цертемизъ Ребезовъ. Волостка Кизіярвъ (нынѣ м. Kisijerw отъ Кенгаузена къ юго-западу верстъ 12; въ ней дв. Панъ Хантуевъ сынъ. Дер. Пупгала (? нынѣ оз. Pügala); въ ней дворъ съ чухонскими христіанскими именами. Волостка Вярена (искаж.) и Кевло (нынѣ д. Kebla) — деревни епископскія; въ дер. Кевло дв. Янъ Нагаевъ, Юрикъ приходець, Генъ мызниковъ сынъ, Томасъ Каласовъ, Генъ Колевъ, Томасъ Вилльевъ, Мартъ Андрусовъ, Сантуй приходець, Павелко Петрушкинъ сынъ; дер. Вярена пахаль наѣздомъ Андрусъ Авеівъ сынъ, а живетъ въ Сенегелли (? у оз. Пугула д. Сиксаль), а вперёдъ ему идти на ту деревню жить. Деревня мызника Икскиля (? гдѣ); здѣсь до войны жилъ корчмитъ Новгородскаго князя, а нынѣ чухна Микуй Индриковъ. Ко всѣмъ деревнямъ этой волости приписано пашеннаго на 100 десятинъ, да не пашеннаго лѣсу, хоромнаго и дровянаго, отъ Албскаго рубежа (р. Albuksne въ Маріенбургскомъ прих.) отъ Вая оз. (нынѣ Вайдау) въ длину по Гайскуй (?) ручей на 10 верстъ, а поперекъ отъ Пупгальской земли отъ Телья (?) ручья по Колью (?) ручей по Гайску (?) землю на 5 верстъ. Волостка Гани (эст. Naanja въ Раунескомъ прих.), принадлежала Юрьевскому епископу. Пустошь Гани; въ ней жилъ Панка Лакуевъ сынъ; пашеть наѣздомъ Панъ Желавкуевъ сынъ; живетъ въ дер. Гани у Якуша Пѣцова въ бобыляхъ, а впрעדъ ему тамъ жить. Пустошь Гани; здѣсь живаль Тилькъ Игаловъ сынъ. Дер. Гани, въ ней дв. Лемикъ Гендриковъ. Дер. Ара принадлежала епископу Юрьевскому; дворы стоятъ порознь; дв. староста Петръ Анусовъ, Клаусъ, Интовъ, Рануевъ, Павелъ Гимикъ, Томасъ

Меневъ, Теневъ, Титъ, Михкель Лемецовъ, Пѣпъ Иголевъ, Павель Лемиковъ. Мыза Бенчура (? Хинджа); въ ней дв. Чюхновъ; во дворѣ Клаусъ Пѣповъ. Дер. Парыгель (?), дворы стоятъ порознь; во дворѣ староста. Дер. Кюне (? эст. Nippiala) по обѣимъ сторонамъ р. Кюне, дворы стоятъ порознь. Мыза Рожина (? Рауза), дер. Варете, Кучъ (эст. Kutsa) нар. Мустовери (?); здѣсь староста; дер. Расти (?) во дв. староста; дер. Сокоръ во дв. староста; дер. Колбасъ (?).

Разсматривая вышеприведенныя личныя имена съ точки зрѣнія ихъ народности и вѣроисповѣдности, слѣдуетъ заключить, что большая часть ихъ принадлежитъ католикамъ-эстамъ (напр., Ганусъ, Гансъ, Ганско, Анско, Андрусовъ, Антъ, Индриковъ (Гонкриковъ), Гантуевъ (Хантуевъ), Юрикъ, Янь (Яневъ), Клаусъ (Клаусовъ), Якъ, Томасъ, Пяртлѣевъ, Матусъ, Юшко, Микуй, Якубъ, Теневъ—имена, которыя встрѣчаются и въ ливонскихъ актахъ, употребляются и понынѣ). Въ числѣ приведенныхъ названій есть и прозвища или имена, которыя несомнѣнно древнѣе христіанскихъ именъ и представляютъ собою наслѣдіе язычества, таковы: Курдѣевъ (=эст. kurjt — глухой; Кебелевъ = эст. kipel, küwel — челель; Миузъ (Меузъ) = эст. meus — вяхирь; Нагаевъ = эст. paga-втулка; Каласовъ = эст. kallas — берегъ; Лемиковъ = эст. lemmik — пакля или lemmik(as) — костяника; Авивъ = эст. havi — щука; Колевъ = эст. kolj — пугало или kole — страшный; Иголевъ = эст. igaline (calane) — пожилой; Кучикъ = эст. kutsik — щенокъ; Гимякъ = эст. imäk — мачиха; Сантуй — эст. sanjt — нищій; Меневъ = эст. moni — значеніе, вліяніе, Хинтуевъ и др. Изъ факта существованія подобныхъ прозвищъ вмѣсто христ. личныхъ именъ нельзя, однако, еще заключить, что носители ихъ въ самомъ дѣлѣ не были крещены. Затѣмъ изъ ряда другихъ именъ, которыя мною были большею частью пропущены при копированіи акта, остается заключить, что они несомнѣнно принадлежали лицамъ православнаго исповѣданія, таковы, напр., Гришка, Федотовъ, Иванко, Ивашко, Ондрюшко, Олешко и т. п. Такія имена не были въ употребленіи у эстовъ въ католическія времена, а равно и послѣ реформации до нашихъ дней, слѣд. приходится думать, что они были даны православными священниками и что носители ихъ исповѣдывали православную вѣру; что же касается до ихъ національности, то этотъ вопросъ остается открытымъ; они могли быть и эстонцами и русскими. Что Псково-Печерскій игуменъ Корнилій, вкорѣ по пріобрѣтеніи земель, отчасти принадлежавшихъ Юрьевскому католическому, а потомъ лютеранскому епископу, обратилъ въ православную вѣру населявшихъ ихъ эстовъ, это подтверждается другими документами. Такъ въ тропарѣ, составленномъ въ честь Корнилія, онъ именуется сообщникомъ апостоламъ, такъ какъ онъ привелъ «люди иноязычныя Чюдъ

къ свѣту богоразумія ученіемъ и крещеніемъ въ славу Богу», а въ лѣтописи Псково-Печерскаго монастыря (стр. 13 лист. 20) о Корниліи прямо говорится: «и люди Новаго Городка Ливонскаго Чюдъ зовома научи и просвѣти ихъ святымъ крещеніемъ; церкви постави на Агиревѣ (нынѣ Haguierw) святую и животворящую Троицу, а на Топинѣ (нынѣ Tobina) еже по плоти Рождество Христово, и пресвитеры и клирики устрои». Установившіяся при жизни Корниліи узы зарубежныхъ эстовъ съ Псково-Печерскимъ монастыремъ, повидимому, не прекратились со смертью Корниліи (въ 1570 г.), когда, по выраженію лѣтописца, онъ «отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному царю во вѣчное жилище». Какъ извѣстно, Іоаннъ Грозный заподозрѣлъ Корнилію, построившаго кругомъ монастыря крѣпкія стѣны, въ измѣнѣ и собственноручно отсѣкъ ему голову, когда Корнилій вышелъ за монастырскую ограду встрѣчать грознаго царя въ 1570 г. По крайней мѣрѣ въ 1681 г. изъ грамоты Ѳедора Алексѣевича узнаемъ, что у монастыря были за рубежомъ крестьяне и бобыли, которые привозили товары продавать въ Печерскій монастырь на посадѣ и даже во Псковѣ. По всей вѣроятности, по заключеніи мира между Россіей и Польшей въ 1581 г., не все владѣнія монастыря отошли назадъ къ Польшѣ, и за монастыремъ могли остаться тѣ земли, наслѣдники которыхъ вымерли, а жители эстонцы были обращены въ православную вѣру. Что русское правительство того времени придавало большое значеніе вопросу о вѣрѣ, видно изъ того, что при Запольскихъ переговорахъ Русскіе упорно отстаивали Юрьевъ, «такъ какъ они ввели здѣсь свою религію и учредили епископію» (Гадебуншъ). Таковы скудныя свѣдѣнія объ отношеніи зарубежныхъ эстовъ къ Псково-Печерскому монастырю въ XVI в. Если мы, кромѣ того, примемъ во вниманіе то отеческое попеченіе, которое монастырь всегда проявлялъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ, ходатайствуя за нихъ передъ Московскими Великими Князьями и выпрашивая для нихъ различныя привилегіи какъ въ отношеніи подсудности монастырю, такъ и въ отношеніи государевыхъ повинностей (въ архивѣ монастыря хранятся нѣсколько грамотъ съ перечисленіями разныхъ облегченій и привилегій для монастырскихъ людей), то будетъ вполне естественно тяготѣніе зарубежныхъ эстовъ къ монастырю, подъ защитой котораго имъ было бы гораздо легче, чѣмъ въ тяжелой ливонской неволѣ, каковой, по мнѣнію короля Стефана Баторія, не было во всемъ мірѣ, даже у язычниковъ и варваровъ.

Обратимся теперь къ даннымъ, относящимся до владѣній монастыря въ исконно русской области. Во время войны Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ, множество деревень Псково-Печерскаго монастыря заустѣли, «отъ Государевыхъ падежей и отъ Божія повѣтрія, отъ мору, а нима дере-

вни заустѣли отъ хлѣбнаго недороду до королевскаго приходу лѣтъ за десять, и за пятнадцать и за двадцать и больше», Поэтому монастырь билъ челомъ великому князю Ѳедору Ивановичу, который въ 1587 году пожаловалъ монастырю множество пустыхъ деревень на льготу на пятнадцать лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ эти года «были построены зданія и распахана пашня, поля огорожены и пожни расчищены и крестьяне посажены жить». Намъ извѣстны деревни въ Псково-Печерскомъ краѣ, въ которыхъ живутъ въ настоящее время полувѣрцы. По актамъ мы находимъ въ нихъ чухонцевъ и лѣтъ 250 тому назадъ, слѣдовательно мы въ правѣ признавать нынѣшнихъ полувѣрцевъ отчасти потомками чухонцевъ, жившихъ въ нихъ лѣтъ 250 тому назадъ. По грамотѣ Михаила Ѳедоровича 1637 г. въ дер. Свиной (нынѣ Свиная, полувѣрч.) упоминается крестьянинъ Точка (у эстовъ Toots) Яковлевъ съ женою и дѣтьми, Рейнка (у эстовъ Rein) и Кязь (эст. Käsij (Kösij) — кашель, карликъ). По писцовой книгѣ 1624—1627 гг. въ ней жилъ крестьянинъ Точка Индриковъ. По той же книгѣ въ дер. Веребково (нынѣ полувѣрч.) жили чухны: Папко (эст. раар, рар.-попъ) Яковлевъ да пасынокъ его Кузешка. Подробныя свѣдѣнія о деревняхъ Печерскаго монастыря и составѣ ихъ населенія мы можемъ черпать изъ Переписной книги Печерскаго монастыря келаря старца Гурія 1652 года. Ниже будутъ перечислены всѣ деревни, въ числѣ жильцовъ которыхъ упоминаются чухны. Подъ Печерскимъ монастыремъ на посадѣ въ слободкахъ въ числѣ 134 жплецкихъ людей упоминается дворъ Петрикъ чухно; здѣсь повидимому въ то время жилъ по преимуществу пришлый народъ, ибо приходятся имена съ прозвищами, напр., Замара, Порокъ, Рыбоникъ, Кузнецъ, Грико, Кривой, Обозерецъ, Розшиби Шапка и т. п. Въ приказѣ горнемъ Печерскому монастырю принадлежали слѣдующія деревни, въ которыхъ жили чухны: Кокотово (неизв.) въ ней дв. Андрейко Чухно; Чальцово (полув.)—въ ней дв. Цепко Чухно; Медково (Медово русс.)—въ ней дв. Калуско Чухно, Воробьево (полув.)—въ ней дв. Сенька Ганевъ; Рябцево (полув.)—въ ней дв. Ѳедотко Чухно; Королихино (русс.)—въ ней дв. Прошко Чухно; Выморково (полув.)—въ ней дв. Калуска Чухно; Декшино (русс.)—въ ней дв. Кяртко Чухно; Тоницево (полув.)—въ ней дв. Петрикъ Ерьевъ; Остречия (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Чухно; Демидово (полув.)—въ ней дв. Никулька Рейновъ и Никулька Кривой; Серково (неизв.)—въ ней дв. Андрешка Меусовъ; Пулково (низв.)—въ ней дв. Янка Чухно. Въ приказѣ Мокролукомъ: Подсадицье (полув.)—въ ней дв. Меуско Чухно, дв. Артемка Чухно; дв. Томашка Чухно; Больино (полув.)—въ ней дв. Ѳедка Стешево (полув.) въ ней дв. Кярсенко Чухно; Томасовъ; Жеребцово (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ, дв. Мартишко

Томасовъ, дв. Андрейко Томасовъ; Горушка (полув.) въ ней дв. Ерикъ Бяретневъ, дв. Петрикъ Чухно; Глиestino (полув.) въ ней дв. Панко Пеповъ; Дяглево (русс.)—въ ней дв. Анско Меусовъ; Авинчице (полув.)—въ ней дв. Михалко Чухно, дв. Тимошка Чухно; Подчерняево (полув.)—въ ней дв. Анско Чухно, дв. Михалка Чухно; Грихнево (полув.)—въ ней дв. Васька Пеповъ, дв. Иванка Пеповъ; Толетоцятаво (полув.)—въ ней дв. Индрикъ Чухно, дв. Пепко Яковлевъ; Тереховщина (полув.)—дв. Петрикъ Точевъ, дв. Меуско Лукинъ; Кривушкино (неизв.)—дв. Васька Чухно, дв. Павелко Овсевъ (?); Игнашево (полув.) въ ней дв. Янка Меусовъ, дв. Анско Меусовъ, дв. Индрикъ Петровъ; Бараусово (неизв.)—въ ней дв. Кяни Чухно, Томаска Лецовъ, дв. Меуско Лецовъ, дв. Михалка Титкинъ; Новинка (полув.)—въ ней дв. Янка Томасовъ; Шемяковщина (неизв.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Оомка Миковъ; Маслово (полув.)—дв. Иванко Яковлевъ. Въ приказѣ Кулейскомъ: Подмогилицы (полув.)—въ ней дв. Пепко Ериковъ; дв. Ивашко Ериковъ; Куля (русс.)—въ ней дв. Даска Кѣповъ; Шешниково (полув.)—въ ней дв. Павелко Кертовъ, дв. Ягупко Ансковъ; Невелина (русс.)—въ ней дв. Петруша Течусовъ (?), дв. Томаско Течусовъ, дв. Михалко Течусовъ (?); Струежъ (неизв.)—въ ней дв. Мартишко Чухно; Лутопежъ (нынѣ Лутобижи, полувѣрч.)—въ ней дв. Ивашко Чаневъ; Шертото (неизв.) въ ней бобыль Юмелка. Въ приказѣ Тростянскомъ: Никитина Гора (полув.) въ ней дв. Ерикъ Сиговъ, дв. Сидорко Ерьевъ, дв. Пепко Лука; Журорова Кадова (полувѣр.)—въ ней дв. Мяртко Якуновъ, дв. Янка Андрешовъ, дв. Папко Никулинъ; Пуховицины (неизв.)—въ ней дв. Кертко Чухно, дв. Реинко Уликовъ; Слободка (полув.) въ ней дв. Павелко Ооминъ, дв. Анско Ооминъ, дв. Мяртко Ооминъ, дв. Петрикъ Чухно; Рисава (полув.)—цѣловальникъ чухна (въ платежной кн. 1692 г.); Вергулица (? Верхоулица, полув.)—въ ней дв. Евдокимка Гормонъ (?), дв. Ерихъ Чухно, дв. Микъ Чухно, дв. Гришка Чухно; Верхуеко (полув.)—въ ней дв. Янка Чухно, дв. Томаско, дв. Афонка Ягуновъ, бобыль Индрикъ Чухно; Загубочье (полув.)—въ ней дв. Ивашко Титкинъ; Крешетово (неизв.)—въ ней дв. Микъ Яковлевъ; Дубки (русс.)—въ ней дв. Лашко Небаковъ (?). Лебжица (Любница, русс.)—въ ней дв. Сергѣйко Пудиковъ, дв. Петрикъ Чухно, бобыль Ягупко. Въ приказѣ Паньковскомъ: Терешкино (неизв.)—въ ней дв. Меуско Мяртовъ; Толетиково (неизв.)—въ ней дв. Якушко Чухно; Барканово (полув.)—въ ней дв. Лаврикъ Мартевъ, дв. Точка Павловъ; Губино (русс.)—въ ней дв. Савка Гентовъ; Загорье (полув.)—въ ней дв. Алексеѣйко Ериковъ, дв. Самулка Гентовъ; Суколеново (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Мартевъ. Въ Мятковицкомъ приказѣ: Кислово (полув.)—въ ней дв.

Тихашко Чухно; Мостковичи (полув.)—въ ней дв. (русскіе) Оомка Раздобара, Силка, Иванко Воропа, Иванко Попко; Мостинець (неизв.)—въ ней дв. Микъ Яневъ; Вакосары (полув.)—въ ней дв. Томаско Сузикъ; Геновъ починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Янка Точкинъ, дв. Васка Пуриковъ; Татаринава починокъ (неизв.)—въ немъ дв. Меуско, Геновъ; Делино (Люлино, полув.)—въ ней дв. Бориско Миковъ, Сокинъ; Веселкино (полув.)—въ ней дв. Миковъ, Сокинъ; Логиная Яма (неизв.)—въ ней дв. Петрушка Чухно. Въ Приказѣ Константиновскомъ: Мегузица (полув.)—въ ней дв. Анско Гентовъ, Меуско Титкинъ, Томашко Сарышевъ; Соловьево (полув.)—въ ней дв. Кярсейко Яковлевъ; Свинско (полув.)—въ ней дв. Точка Яковлевъ, дв. Рейнко Точкинъ, бобыли: Якушко, Анско, Ешель, Павелко Прядинъ. Въ Приказѣ Новосельскомъ: Перхово (неизв.)—въ ней дв. Янка Геновъ; Хомутниково починокъ (неизв.)—въ ней дв. Рейнковъ, Мяртевъ; Кикина Гора (неизв.)—въ ней дв. Ерикъ Михайловъ; Андроново (полув.)—въ ней дв. Томасовъ, Ерикъ.

Выше перечислена лишь небольшая часть всѣхъ полувѣрческихъ деревень, извѣстныхъ въ наше время, и это благодаря лишь тому обстоятельству, что писецъ Гурій иногда счелъ нужнымъ указывать національность жильца, приписавъ послѣ его имени «Чухно». Приписка эта носитъ случайный характеръ, такъ какъ нѣкоторые жильцы, по своему имени безъ сомнѣнія чухонскаго происхожденія, не имѣютъ этой приписки. Поэтому имена или прозвища, а равно и отсутствіе этой приписки, не могутъ служить доказательствомъ русскаго происхожденія жильцовъ, перечисленныхъ въ переписной книгѣ деревень. Напротивъ, въ виду преемственности населенія въ теченіе его двухъ—трехъ вѣковъ, мы можемъ смѣло думать, что въ описанныхъ старцемъ Гуріемъ деревняхъ, въ коихъ нынѣ населеніе составляютъ сплошь полувѣрцы, а въ его время было чухонское населеніе.

Нѣкоторыя данныя о характерѣ и времени переселенія сюда эстонцевъ можно добыть изъ анализа названій населяемыхъ нынѣ полувѣрцами деревень. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи имѣется лишь незначительное число полувѣрческихъ названій деревень. Эти названія можно раздѣлить на три категоріи: самостоятельныя, переводныя и искаженныя русскія. Къ первой относятся Kolo (Андрейково), Sega Küla (Бабино Каменище), Laweritsa к. (Боровенки), Tedre küla (Гигина), Näärme küla (Горемыкино), Saare,-Järweküla (Журово—Кахово), Wilo küla (Заболотье), Kromnesüwa küla (Загубочье), Jusa (Заднее церковно), Lindsi к. (Займище), Alaossa к. (Игнатово), Radaja к. (Керсо), Serga к. (Константиново), Penik (Луковка), Karisilla к. (Новинокъ), Miku к. (Оглоблино), Wasili к. (Грехнево), Treala к. (Паково),

Kuru к. (Подчерняево), Radaje к. (Сигово), Melso (Тереховщина), Talka к. (Толстопятово). Въ основѣ приведенныхъ эстонскихъ названій лежатъ отчасти личныя христіанскія, отчасти предметныя имена, слѣд. деревни отчасти возникли въ то время, когда переселенцы уже исповѣдывали христіанство, отчасти получили свои названія отъ переселенцевъ, носившихъ лишь прозвища. Ко второй категоріи относятся: Saarebi к. (Островокъ), Pedaspaaliste (Подосенье), Waresse maе (Варусово), Soelane (Сузиново), Mustoja (Черный Ручей). Къ третьей категоріи относятся: Audjasaar (= Авдѣево), Obinitsa (Авинчище), Korila (= Горѣлая мельница), Korsti (?= Горушка), Togenitsi (= Дегатницы), Hurowitsi (= Гурвицо, Денисково), Sõkowitsi (= Жуковичи), Haosina (= Клавшино), Mudowa (?= Мелдово), Podmotsa (= Подмочилицы), Helbiki (= Хильбики, Подсадничье), Polande (= Боландино, Раствляково), Ersawa (Ржово), Selisja (= Селище), Pelsik (= Пельзики, Сульпики), Toпа (= Тони), Тоома magi (= Томасова Гора), Trostka (= Тростянка), Trõnne küla (= Трактова), Külätawa (= Тюлитино), Tõlgo (= Челково), Jugadtsa (= Юковъ Конецъ), Räsowa (= ? Ржава, Черный лѣсъ). Послѣдній рядъ названій даетъ право заключить, что переселенцы отчасти занимали русскія деревни и, не зная русскаго языка, извратили на свой ладъ русскія названія деревень.

Таковы положительныя данныя, относящіяся къ разбираемому вопросу. Обратимся въ отрицательнымъ даннымъ. Какъ мы видѣли уже выше, въ архивѣ Псково-Печерскаго монастыря, возникшаго въ 1472 г., нѣтъ никакихъ свѣдѣній о полувѣрцахъ; особенно заслуживаетъ вниманія, что знаменитый игуменъ монастыря Корнилій обращаетъ свою миссіонерскую дѣятельность на горсть зарубежныхъ эстовъ, какъ бы совершенно игнорируя многочисленное (ок. 25 тысячъ) эстонское населеніе въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній. Такъ какъ дальнѣйшая исторія ничего не знаетъ о переселеніи сюда столь многочисленнаго чуждаго населенія, а, напротивъ, на основаніи нѣкоторыхъ прямыхъ данныхъ оно предполагается уже существующимъ здѣсь, то остается лишь допустить, что оно было здѣсь уже до Корнилія и исповѣдывало православную вѣру, въ которую была обращена Псковскими или Изборскими священниками. И въ самомъ дѣлѣ, здѣшніе полувѣрцы не имѣютъ ни малѣйшаго воспоминанія о происхожденіи своихъ прадѣдовъ, между тѣмъ какъ въ такихъ случаяхъ переселенцы обыкновенно считаютъ время своего переселенія поколѣніями, благодаря чему легко можетъ быть установлена приблизительная дата переселенія. О церковномъ строительствѣ здѣсь не могло быть и рѣчи до XVI в., такъ какъ въ виду постоянныхъ взаимныхъ набѣговъ псковичей и ливонцевъ церкви обыкновенно подвергались сожженію. Постоянная церковь намъ известна лишь въ Изборскѣ.

У полувѣрцевъ и русскихъ вмѣсто церквей имѣлись почти при каждой деревнѣ часовни, гдѣ лишенные религіознаго назиданія жители ставили предъ иконами свѣчи и возносили къ святымъ свои прошенія и благодаренія. Въ древности часовень врядъ ли можно сомнѣваться, такъ какъ никто не запомнимъ времени и обстоятельствъ ихъ возникновенія. Обыкновенная принадлежность этихъ часовень большой деревянный крестъ, икона и подевѣчникъ, по большей части увѣшанные различными лоскутками. Да и самые богомольные обряды, еще въ наши дни наблюдаемые на сельскихъ праздникахъ мѣстныхъ жителей, явственно указываютъ на то, что жители долго были предоставлены въ отправленіи религіозныхъ потребностей исключительно самимъ себѣ, отчего къ нимъ и примѣшаны черты, напоминающія язычество. Наконецъ языкъ, нравы, вѣрованія и вообще духовный бытъ полувѣрцевъ, что впрочемъ еще не подвергнуто изслѣдованію ученыхъ, указываютъ на болѣе древнее время переселенія ихъ, чѣмъ XVI в. Нарѣчіе ихъ несомнѣнно родственно съ эстонскимъ Верроскимъ нарѣчіемъ, съ тою существенною разностью, что въ него входитъ много заимствованныхъ отъ русскихъ словъ. Ихъ духовное творчество (пѣсни, загадки, сказки) сохранилось въ большей чистотѣ и полнотѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ захолустьяхъ эстонскихъ поселеній, при чемъ особенная черта полувѣрческихъ пѣсенъ и причитаній та, что въ нихъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, религіознаго элемента, Матерь Божія, ангелы и святые нерѣдко въ нихъ выступаютъ. Объяснить ли это наслѣдіемъ католичества, принесеннаго изъ прежняго мѣста жительства, или же приписать вліянію православной церкви, трудно рѣшить за неимѣніемъ подъ рукою необходимаго матеріала. Повидимому, часть полувѣрцевъ была нѣкогда знакома съ внѣшними чертами католическаго культа, что довольно правдоподобно, такъ какъ по всей вѣроятности переселеніе сюда части полувѣрцевъ или вѣрнѣе эстовъ-язычниковъ и отчасти знакомыхъ съ католичествомъ, принявшихъ на новомъ мѣстѣ жительства православную вѣру, должно быть отнесено къ XIV—XV в. Часть же полувѣрцевъ, судя по чудесному происхожденію нѣкоторыхъ древнихъ мѣстныхъ названій даннаго района (см. мой трудъ «Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда»), должна быть признана аборигенами.

Юрій Труманъ.